

Елена К.

**«Книга забытых историй. Тёплые
рассказы про Октябрьский,
поросёнка Хрюнделя и силу
памяти»**

Елена К.

**«Книга забытых историй.
Тёплые рассказы про
Октябрьский, поросёнка
Хрюнделя и силу памяти»**

«Автор»

2026

К. Е.

«Книга забытых историй. Тёплые рассказы про Октябрьский, поросёнка Хрюнделя и силу памяти» / Е. К. — «Автор», 2026

«Книга забытых историй» — это тёплый мир Октябрьского, где прошлое не исчезает, а тихо шепчет из старых конвертов, запахов и лесных троп. Девочка Тая, мудрая Марья Семёновна, добрый лесник дядя Фёдор и неугомонный поросёнок Хрюндель бережно собирают то, что другие готовы забыть: строчку с оборота пожелтевшего конверта, запах сушёной мяты, едва заметную тропинку под мхом. Из этих мелочей рождаются настоящие чудеса: «День запахов», когда город вспоминает любимые ароматы детства, и «День троп», когда фонарики зажигают память и вдоль забытых дорожек вешают бумажные флажки — как тихие обещания: «Я помню». Эта книга — о том, как важно слышать тишину, замечать незаметное и хранить тепло простых мгновений. Она для тех, кто верит, что даже маленький флажок может стать маяком, а запах хлеба — надёжной дорогой домой. Уютные, светлые истории, которые хочется читать вслух, чтобы ни одна добрая память не пропала.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы.	5
«Марья Семёновна и лето, которое всё исправило»	6
Как Тая придумала волшебный фонарь	7
Как волшебный фонарь подсказал тайную тропинку	8
Как фонарь нашёл избушку с письмами	9
Как Тая придумала гирлянду из старых конвертов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена К.
**«Книга забытых историй. Тёплые
рассказы про Октябрьский,
поросёнка Хрюнделя и силу памяти»**

Все Главы.

«Марья Семёновна и лето, которое всё исправило»

В городке Октябрьском время будто шло по своим, особым часам — не по тем, что висят на почте, а по тем, что тикают в сердцах людей. Название городу дали не в честь праздника, а потому что именно в октябре тут становилось особенно ясно: лето уходит, но оставляет после себя столько тепла, что его хватает до самой весны.

На тихой улице Садовой, у самого старого тополя, стоял домик Марьи Семёновны — с резными наличниками, с петушком на крыше и с крыльцом, которое знало шаги всех соседей. На третьей ступеньке оно тихонько поскрипывало: «Скрип... скрип... ну заходи, не стой на пороге». В этом доме пахло тёплым хлебом, сушёной рябиной и уютом, который не купишь ни за какие деньги.

А ещё тут гостила внучка Тая — девочка, у которой на каждый пустяк находился свой большой вопрос.

— Бабушка, а правда, что октябрь умеет хранить секреты? — шептала Тая, когда они шли по аллее, и листья шуршали под ногами, будто перешёптывались между собой. — Правда, — кивала Марья Семёновна. — Октябрь — он как добрый сторож: всё примет, всё сбережёт, никому не выдаст. А если грустно станет — он тихо положит тебе в карман тёплый листочек, чтобы ты помнила: осень тоже умеет быть ласковой.

Каждое утро начиналось с чашки молока и кусочка хлеба с мёдом. Потом они кормили поросёнка Хрюнделя, который был не просто поросёнком, а настоящим знатоком настроения: если день обещал быть весёлым, он радостно фыркал и кружился, а если небо хмурилось — тихо прижимался к забору и вздыхал, будто переживал за всех сразу.

В Октябрьском любили праздники. Особенно День последнего листа — его устраивали на центральной площади: развешивали гирлянды из сухих листьев, пекли пироги с брусникой и рассказывали истории. Марья Семёновна всегда приносила своё знаменитое варенье из тыквы с корицей — и говорили, что тот, кто хоть ложечку попробует, весь год будет добрым и спокойным.

Лето в Октябрьском было щедрым на маленькие чудеса. Они собирали землянику на опушке, и казалось, что каждая ягодка хранит в себе кусочек солнца. Варили варенье, и пока оно булькало в тазу, Марья Семёновна рассказывала истории — не про королей и драконов, а про то, как раньше в Октябрьском встречали рассвет все вместе, как делили последнюю краюшку хлеба и как умели радоваться простым вещам.

И постепенно Тая начинала понимать: счастье — оно не в чём-то далёком и необыкновенном. Оно тут, рядом: в тёплом взгляде бабушки, в фыркании Хрюнделя, в запахе свежей травы и в том, как октябрьский ветер тихо шепчет свои осенние сказки.

Как Тая придумала волшебный фонарь

День клонился к вечеру, и Октябрьский потихоньку укутывался сумерками. В воздухе кружились листья — золотые, багряные, будто кто-то рассыпал по улицам кусочки заката. Тая сидела на крыльце, прижимала к себе Хрюнделя и смотрела, как свет из окна ложится на дорожку, а листья отбрасывают причудливые тени.

— Бабушка, — тихо сказала она, — а можно сделать так, чтобы кусочек этого вечера остался с нами? Чтобы он светился даже ночью?

Марья Семёновна присела рядом, поправила платок и улыбнулась:

— А давай попробуем. У меня в кладовке старая банка изпод компота лежит. Прозрачная, только этикетку надо снять.

Так и родилась идея волшебного фонаря.

Тая собрала самые красивые листья: тонкий кленовый — как звёздочка, дубовый — как маленькое бронзовое сердечко, пару рябиновых веточек с ягодами. Марья Семёновна принесла клей и кисточку, а Хрюндель, будто понимая важность дела, уселся рядышком и время от времени тыкался носом в банку, проверяя, всё ли идёт как надо.

Тая аккуратно приклеивала листья к стеклу, стараясь, чтобы между ними оставались прозрачные окошки — чтобы свет мог пробираться наружу.

— Вот тут пусть будет окошко, — шептала она, — чтобы видно было, что внутри живёт кусочек дня.

Когда листья высохли, внутрь положили маленькую электрическую свечку на батарейках — безопасную, тёплую, не обжигающую. Марья Семёновна завязала на горлышке банки ленту из старой скатерти, и фонарь сразу стал похож на настоящее чудо.

В тот вечер на площади, где отмечали День последнего листа, Тая поставила свой фонарь прямо на скамейку. Когда стемнело, сквозь листья проступил мягкий свет, и на стенах домов заплясали тени — будто деревья танцевали свой прощальный танец.

Люди подходили, улыбались, а кто-то даже ахнул:

— Да это же осенний свет! Его можно унести с собой!

Тая сияла:

— Это не просто фонарь. Это память о дне. Чтобы, когда станет темно, мы помнили: где-то ещё светит солнце.

А Хрюндель фыркнул, будто добавил: «И пахнет яблоками».

С тех пор в Октябрьском на День последнего листа каждый ребёнок старался сделать свой волшебный фонарь. И площадь становилась похожей на звёздное небо, только звёзды были из листьев, света и детской веры в маленькое чудо.

Как волшебный фонарь подсказал тайную тропинку

В тот день Тая с Марьей Семёновной пошли в лес за последними осенними опятами. Хрюндель, конечно, увязался за ними — не столько грибы искать, сколько нюхать каждый пенёк и радостно фыркать, будто лес ему что-то шептал.

— Только не уходи далеко, — строго, но ласково сказала Марья Семёновна. — В октябре лес быстро темнеет, а тропинки путаются, как нитки в клубке.

Тая кивала, но глаза её так и бегали по сторонам: то на белку, которая мелькнула между стволов, то на странный куст, будто сложенный из переплетённых веток, то на тень, скользнувшую в сторону.

А потом Тая всё-таки отвлеклась. Увидела на поваленном дереве целую россыпь крошечных грибов — совсем не таких, как те, что собирала бабушка, — и присела поближе, чтобы рассмотреть. Когда она подняла голову, Марья Семёновна уже не было видно. Только тихий шорох листьев где-то вдалеке и густой сумрак между деревьями.

Сердце у Таи ёкнуло. Она позвала:

— Бабушка! Бабушка, я тут!

Но голос утонул в лесной тишине, и даже Хрюндель вдруг притих, будто сам испугался.

Тогда Тая вспомнила про волшебный фонарь. Она достала его из корзинки, где он лежал, заботливо укутанный в платок, и зажгла. Тёплый свет прорезал темноту, и на стволах деревьев заплескались тени — будто листья на стекле фонаря ожили и стали показывать свои узоры.

И вдруг Тая заметила: среди обычных теней есть одна особенная — она не дрожала, как остальные, а тянулась ровной дорожкой между деревьями, будто приглашала: «Иди сюда».

— Хрюндель, смотри! — прошептала Тая. — Это тропинка! Настоящая, только её видно только так — сквозь свет.

Хрюндель фыркнул, будто сказал: «Ну, тогда идём!» — и первым побежал по этой светлой дорожке.

Тропинка петляла, огибала старые пни, ныряла под низкие ветки, но свет фонаря не гас и не терялся. И чем дальше они шли, тем яснее становилось: это не просто тропа, а забытая дорожка, по которой когда-то ходили грибники, да потом она заросла и пропала из виду.

Наконец впереди мелькнул знакомый платок Марьи Семёновны. Бабушка стояла у большого валуна и оглядывалась по сторонам, прижимая к себе корзинку.

— Тая! — выдохнула она, когда девочка выбежала изза куста, а следом за ней, смешно переваливаясь, выскочил Хрюндель. — Я уж думала, придётся весь лес обходить!

— А я нашла тропинку! — радостно выпалила Тая и подняла фонарь. — Она прячется в тенях, её видно только вот так!

Марья Семёновна улыбнулась, погладила внучку по голове и тихо сказала:

— Знаешь, в лесу много дорог. Одни видны днём, другие — только когда зажжёшь свет. Главное, чтобы рядом был тот, кто не даст этому свету погаснуть.

С тех пор в Октябрьском говорили, что волшебный фонарь Таи — не просто украшение для праздника. Он умеет находить то, что скрыто: забытые тропинки, старые секреты леса и даже дорогу к тем, кто потерялся не только в лесу, но и в себе.

А Хрюндель после этого случая стал почётным «первым нюхателем» и «главным фыркателем» любой экспедиции. И если вдруг становилось тихо и непонятно, он подходил к фонарю, фыркал на него, будто проверял: «Свет горит? Тогда идём!»

Как фонарь нашёл избушку с письмами

В тот год осень в Октябрьском выдалась особенно тихой — будто лес решил на время перестать шуметь и прислушаться к себе. Тая, Марья Семёновна и Хрюндель отправились в лес не за грибами, а за тишиной: бабушка хотела набрать сухих трав для зимнего чая, Тая мечтала найти самый красивый лист, чтобы вставить его в рамку, а Хрюндель просто обожал шуршать всем, что шуршится.

Они шли по знакомой тропинке, но вдруг Хрюндель замер, наострил уши и фыркнул в сторону густых зарослей, куда обычно никто не ходил: там старые ели стояли стеной, а земля была укрыта толстым ковром из хвои.

— Чего ты, Хрюндель? — наклонилась к нему Тая. — Опять белка дразнится?

Хрюндель фыркнул ещё раз — настойчивее — и сделал пару шагов в чащу.

— Пожалуй, посмотрим, — сказала Марья Семёновна, хотя в голосе её слышалось лёгкое сомнение. — Только недолго и не теряться.

Тропинка быстро исчезла, и вскоре даже знакомые приметы — большой камень, похожий на спящего медведя, и поваленная берёза — остались позади. Стало темнее, воздух сделался густым и прохладным. Тая крепче прижала к себе корзинку, где лежал её волшебный фонарь.

И тут она вспомнила:

— Бабушка, давай зажжём фонарь! Вдруг он опять покажет тропинку?

Марья Семёновна улыбнулась:

— Что ж, пусть будет наш маленький маяк.

Тая зажгла свет, и тёплые узоры из осенних листьев тут же легли на стволы деревьев. И вдруг среди теней проступила тонкая светлая линия — не прямая, а извилистая, будто кто-то нарочно прятал её за каждым деревом.

— Смотри! — прошептала Тая. — Он снова рисует дорогу!

Они пошли по этому светящемуся следу, и чем дальше, тем явственнее становилось: тропинка ведёт не просто вглубь леса, а к чему-то старому и давно забытому.

А потом деревья расступились, и перед ними возникла избушка. Она стояла в небольшой полянке, наполовину укрытая еловыми лапами, будто сама хотела спрятаться от чужих глаз. Крыша покосилась, окна затянуло паутиной, а дверь слегка приоткрылась, будто приглашала: «Заходите, мы вас ждали».

— Кто тут жил? — тихо спросила Тая, глядя на избушку.

— Давным-давно тут была лесная сторожка, — задумчиво сказала Марья Семёновна. — Говорили, что в войну здесь останавливались связные, а потом избушку забросили.

Внутри пахло сухой древесиной, пылью и временем. Хрюндель первым прошёлся по скрипучим половицам, нюхая каждый угол, а Тая подняла фонарь повыше, чтобы разглядеть, что там в темноте.

В углу стоял старый сундук, обитый потемневшим железом. Тая осторожно подняла крышку — и внутри, переложённые пожелтевшей бумагой, лежали связки писем. Не обычных, а сложенных треугольниками — таких, какие писали солдаты с фронта.

Марья Семёновна взяла один треугольник, бережно развернула и тихо прочитала вслух:

«Дорогая мама, у нас тут холодно, но я всё равно думаю про наш дом и про пирог с яблоками. Если когданибудь найдёшь это письмо, знай — я всегда помнил, как ты пахнешь хлебом и счастьем. Твой Ваня».

У Таи на глазах выступили слёзы, но это были не горькие слёзы. Это были слёзы, которые появляются, когда вдруг понимаешь: память — это тоже свет. И он не гаснет, даже если дом давно опустел.

— Давай отнесём их в музей, — тихо сказала Тая. — Пусть все прочитают. Пусть знают, что Ваня помнил про пирог.

— Хороший план, — кивнула Марья Семёновна. — А ещё можно устроить в Октябрьском «Вечер писем»: пусть люди принесут старые письма из своих семей, расскажут про своих бабушек и дедушек, про то, как они ждали весточки и берегли каждое слово.

С тех пор каждый год в Октябрьском в октябре устраивали «Вечер писем». На площади ставили длинный стол, зажигали фонари, и люди читали вслух старые треугольники — чтобы тишина больше не была пустой, а наполнялась голосами тех, кто когда-то очень хотел, чтобы их услышали.

А волшебный фонарь Таи стоял в центре стола, и сквозь его листья по стенам домов снова бежали тени — только теперь это были тени памяти: тихие, добрые, согревающие.

Хрюндель, разумеется, тоже участвовал: он важно расхаживал между гостями, иногда тыкался носом в чьи-нибудь ботинки, а потом устраивался у фонаря и мурлыкал так, будто говорил: «Всё хорошо. Мы никого не забыли».

Как Тая придумала гирлянду из старых конвертов

Подготовка к «Вечеру писем» шла в Октябрьском полным ходом. На площади сколотили длинный стол, принесли старые стулья, кто-то притащил самовар, а в центре, на самом видном месте, стоял волшебный фонарь Таи — будто маленький хранитель памяти. Но Тае всё казалось, что чего-то не хватает: будто письма есть, голоса есть, а вот самого главного — того, что связывает эти голоса между собой, — ещё не видно.

И тут она заметила, как тётя Зина из соседнего дома перебирала стопку старых конвертов: пожелтевших, с выцветшими штемпелями, с аккуратными адресами, написанными чернилами, которые уже почти не читались.

— Тётя Зина, а можно я возьму несколько? — тихо спросила Тая. — Я хочу сделать из них что-то красивое... чтобы все видели: письма — это не просто бумага. Это ниточки, которые тянут из прошлого в сегодня.

Тётя Зина улыбнулась и протянула ей целую горсть:

— Бери, милая. Пусть они снова послужат. Только теперь не для дороги, а для памяти.

Дома, пока Марья Семёновна месила тесто для пирогов, Тая разложила конверты на столе. Она смотрела на эти строчки, на аккуратные буквы, на следы почтовых марок — и вдруг поняла: каждый конверт сам по себе уже как маленькое окошко в чью-то жизнь.

Тогда она взяла катушку бечёвки, ножницы и клей и начала делать гирлянду. Не простую, а особенную: она не склеивала конверты в цепочку, а оставляла их «живыми» — будто каждый готов снова отправиться в путь. Тая аккуратно прокалывала уголки дыроколом, продевала сквозь них бечёвку, а потом подвешивала конверты так, чтобы они слегка покачивались, как будто их несёт лёгкий ветер.

А чтобы гирлянда стала понастоящему волшебной, она вложила внутрь каждого конверта по одному листочку — не письмо, а просто кусочек бумаги, на котором написала что-то своё: «Спасибо, что ждали», «Я тебя слышу», «Ты не один». И ещё она добавила туда сухие лепестки календулы и крошечные кленовые листочки: пусть пахнет осенью, лесом и домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.